

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ОТ 14 ИЮЛЯ 2015
№ 21–П КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ РЕШЕНИЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

Ю.М. Диденко, студент

**Алтайский государственный университет
(Россия, г. Барнаул)**

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению соотношения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и решений Европейского суда по правам человека. Особое внимание уделено постановлению Конституционного Суда, в силу которого национальный судебный орган признал за собой право в порядке исключения отступить от исполнения некоторых обязательств, возложенных Европейским судом. Делается вывод об обоснованности такого решения.*

***Ключевые слова:** Конституционный Суд РФ, Европейский суд по правам человека, правовые позиции Конституционного Суда, глобализация, суверенитет.*

Соотношение национального и наднационального правового регулирования долгое время являлось предметом жарких дискуссий. Исследованию вопроса имплементации решений Европейского суда по правам человека в отечественную правовую систему посвятили свои труды такие ученые, как К.Ю. Аверьянов [1, с. 17], А.И. Ковлер [2, с. 19-64], Н.А. Громошина, А.А. Остроумов [3] и другие. Своеобразной точкой преткновения мнений данных судебных органов стало «дело Маркина», капитана российской армии, пожелавшего после развода с женой уйти в отпуск по уходу за новорожденным ребенком [4]. После огласки этого дела хлынула основная волна теоретических рассуждений по поводу соотношения решений ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ.

В основу обнаружившихся противоречий, возникшего «конфликта интересов», по большому счету, легла разность позиций органов относительно баланса частных и публичных интересов.

Ясность в этот по истине наболевший вопрос внесло Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 № 21–П по делу о применимости решений ЕСПЧ на территории России [5]. Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, в силу которой в порядке исключения Российская Федерация может отступить от исполнения обязательств, возлагаемых на нее тем или иным решением

межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, если подобного рода отступление станет единственным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов. Автоматически это влечет следующие последствия: реализация Конвенции о защите прав и свобод человека отныне возможна лишь с учетом верховенства Конституции [6]. Это свидетельствует об исключительной компетенции Конституционного Суда РФ в принятии решений о соответствии/несоответствии теперь уже и решений ЕСПЧ российской Конституции.

Как итог, ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» была дополнена новым положением [7]. Суть нововведения кроется в следующем: Суд получил право самостоятельного разрешения вопроса о возможности или невозможности исполнения решений ЕСПЧ «в целях обеспечения деятельности по защите интересов РФ».

Отношение к упомянутой правовой позиции Конституционного Суда о сей день крайне неоднозначное. Вызвав бурное обсуждение в СМИ и научных кругах, это решение буквально разделило общественность на два лагеря. Так, в противовес патриотически настроенным сторонникам закона о приоритете решений Конституционного Суда над международными судами, активисты молодежного движение

«Весна», 29 ноября 2015 года провели акцию протеста. Свою позицию они весьма символично выразили метафорой «судьи «заколотили» окно в Европу». Основной аргумент: теперь Суд будет игнорировать решения международных судов, следовательно, исчезла последняя надежда на защиту прав человека в нашей стране.

В ответ на популярное мнение о том, что причиной принятия этого решения послужило «дело ЮКОСа», проигранное в Европейском суде, представители Конституционного суда отмечают, что принятое постановление не имеет ничего общего с этим делом [8].

Со своей стороны, мы, конечно, можем рассуждать о том, что данное решение вызвано «делом ЮКОСа», можем говорить о, так называемой, «целевой защите», при этом факт остается фактом: Конституционный Суд признал за собой последнее слово в спорах. Перед нами встает вопрос: насколько такое взаимодействие Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека подпадает под категорию диалога, которую все так старательно используют?

Исторический контекст таков: сегодня говорить о глобализации как мировом явлении более чем уместно. Об этом пишут многие авторы, в частности, В.В. Сорокин [9, с. 131]. Позволим себе с опорой на терминологию профессора весьма вольно интерпретировать имеющую место ситуацию. Рассматриваемое решение Конституционного Суда есть ни что иное, как попытка «национального государства» про-

тивостоять «унификации». Это не взлелеянная непокорность, а своеобразное выстраивание, очерчивание границ национального суверенитета. С этих позиций, решение Суда обосновано абсолютно, обвинять Конституционный Суд в «потакании» веяниям времени не представляется возможным.

Глупо отрицать, что политические процессы не повлияли на подогревание и обнаружение этой позиции Конституционного Суда, и вполне допустима мысль, что экономическая подоплека сильна. Однако эти факторы не более чем катализаторы, ускорившие процесс вскрытия противоречий. Истинные же причины, воззвавшие такое смелое решение, кроются глубже.

Отрываясь от всякого рода конкретики, вспомним о существовании сквозных идей, развивающихся мыслителями с момента образования государства. Это идеи сильной и независимой Руси/России, сильной власти правителя, суверенитета, *приоритета общегосударственных интересов над частными* и т.д. Так вот эти идеи, обнаруживающиеся в трудах именитых мыслителей в совершенно разных интерпретациях, до сих пор коренятся в нашем сознании.

В связи с этим, почему бы не встать на позицию того, что такое императивное решение Конституционного Суда в историческом плане выдержано и выверено, что это и есть конкретное выражение теплящейся в каждом идеи самосознания как нации, как целого.

Библиографический список

1. *Аверьянов, К.Ю.* Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников (форм) права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / К.Ю. Аверьянов. – М., 2013. – 23 с.
2. *Ковлер, А.И.* Соотношение Европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы (причины и следствия) / А.И. Ковлер // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian yearbook of the European convention on human rights) / Д.В. Афанасьев, М. Визентин, М.Е. Глазкова и др. – М.: Статут, 2015. Вып. 1: Европейская конвенция: новые "старые" права. – 608 с.
3. *Громошина Н.А., Остроумов А.А., Стрельцова Е.Г.* Существуют ли противоречия между п.3 и п.4 ст. 329 ГПК РФ? (Возможна ли конкуренция между постановлениями ЕПЧС и постановлениями КС РФ, вынесенными по вопросу применения судами конкретной нормы в рамках одного и того же дела (на примере дела Маркина)? / Н.А. Громошина,

А.А. Остроумов, Е.Г. Стрельцова // Вестник гражданского процесса. – 2014. – №3. – С. 253-267.

4. *Об отказе в принятии* к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 ФЗ «О статусе военнослужащих», ст.32 Положения о порядке прохождения военной службы и пп. 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей»: определение Конституционного суда РФ от 15 января 2009 года № 187-О-О // URL : <http://www.consultant.ru/> (12.02.16).

5. *По делу о проверке* конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 № 21-П // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №30. Ст. 4658.

6. *Конвенция о защите* прав человека и основных свобод, заключена в г. Риме 04.11.1950: с изм. от 13.05.2004 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №2. Ст. 163.

7. *О внесении изменений* в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 № 7-ФКЗ // URL: <http://www.consultant.ru/> (17.05.2016).

8. *Дело «ОАО «Нефтяная компания Юкос» (ОАО «Neftyanaya kompaniya Yukos») против Российской Федерации»* (жалоба N 14902/04): Постановление ЕСПЧ от 20.09.2011. По делу обжалуется решение налогового органа о привлечении к ответственности за подачу неполных налоговых деклараций в отношении некоторых налогов. По делу нарушены требования пункта 1 и подпункта «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также статьи 1 Протокола №1 к Конвенции // Российская хроника Европейского Суда. – 2012. – №3.

9. *Сорокин В.В.* Юридическая глобалистика: учебник. – Барнаул: Азбука, 2009. – 915 с.

THE DECISION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION OF JULY 14, 2015 № 21–II AS THE SOLUTION OF THE PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Yu.M. Didenko, student
Altai state university
(Russia, Barnaul)

Abstract. This work is devoted to the analysis the interaction of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and decisions of the European Court of human Rights in the context of the dialogue between Russia and the West. The author examines the decision of the Constitutional Court, which raises the problem of the possibility of execution of decision the European Court of Human Right.

Keyword: Constitutional Court of the Russian Federation, European Court of human rights, legal positions of the Constitutional Court, globalization, sovereignty.